

Татьяна П. Крылова

Плохая игра

16+

Татьяна Петровна Крылова

Плохая игра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38019122

SelfPub; 2021

Аннотация

Девушка на мосту, встреченная поздней ночью. Воспоминание детства, которое не отпускает Павла даже спустя долгие годы. Что случилось с ней той последней злополучной ночью? И стоит ли это знать? Детектив. Третье место на конкурсе "Презумпция виновности-2018".

Татьяна Крылова

Плохая игра

Февраль, 2006 год

Ночь, улица, тусклый свет фонарей. Под ногами лужи, хотя на календаре все еще зима. Со стороны канала дует ледяной ветер. Машин и людей уже не видно. Почти полночь. Но домой спешить не хочется.

Прежде чем мать дозвонилась Колькиным родителям, она раз десять набрала мне. Но я не слышал. Монтировали с Колькой видео. Сидели в наушниках, не слышали звонков – ничего криминального. Мама, разумеется, думала иначе. Услышав мой голос, долго ругалась. Потом потребовала немедленно идти домой. Сказала, что мне сильно повезет, если вернусь раньше бати. А я так не думал. Рука у отца тяжелая, настроение после работы обычно скверное, так что влетит мне по полной программе в любом случае.

Вот и плелся я по набережной, пиная коленом сумку со сменкой. Глазел по сторонам, хотя разглядывать-то особо нечего было. Старые, через один заброшенные дома слева, чугунный ажурный забор в половину человеческого роста справа. За забором речушка, все еще скованная льдом. На другом берегу – городской парк, мрачный, но такой же безлюдный, как и все вокруг. В общем, обычная улица унылого

района на окраине города.

Через пару сотен шагов парк кончился, сменившись серым бетонным забором. За забором в абсолютной темноте возвышались здания бывшего хлебопекарного комбината. Некогда процветающая гордость нашего города, вот уже как два года предприятие было ликвидировано. Изредка любители пощекотать себе нервы организовывали там квесты, но сегодня, судя по тишине, на хлебозаводе никого не было.

Мать не любила, когда я возвращался от Кольки мимо этого бетонного забора. Наверное, ей мерещилось, что в любой момент на меня могут наброситься зомби. Хотя... Вряд ли. Моя мама совсем не верила в зомби. Но по ближайшему мосту через реку ходить запрещала. А я ходил. Потому что влом было идти до следующего, а потом возвращаться почти столько же до поворота на нашу улицу.

Вот и сейчас без малейших угрызений совести я уверенно пошел привычным путем. И вдруг остановился, с интересом разглядывая ее.

Она стояла возле перил почти по центру моста спиной ко мне. Стройная, с длинными, развевающимися светлыми волосами. Поверх воротника черного пальто на шею был намотан длинный шарф крупной вязки. Воображение тут же дорисовало сапоги до колен на высоком узком каблуке. Я опустил взгляд, чтобы подтвердить догадку. И тут же едва слышно ахнул: незнакомка стояла по ту сторону перил.

Пока я топтался на месте, решая, насколько опасно под-

ходить к ней, девушка заметила мое присутствие. Повернула ко мне красивое лицо с тонкими чертами. В уголках ее глаз блестели хрустальные слезинки.

Несколько секунд она безотрывно смотрела на меня, потом моргнула. И словно очнувшись от ночного кошмара. Она выглядела растерянной, будто не понимающей, как оказалась на этом мосту да еще с той стороны.

Стыдливо, как-то виновато пряча глаза, она перелезла обратно на мост. Опустив подбородок в шарф, пробежала мимо меня. Еще некоторое время был слышен стук ее каблучков.

Потом вновь наступила тишина. Лишь ветер завывал, прорываясь сквозь чугунную решетку.

Когда я пришел домой, отец, конечно, уже был там. Взяв для пушного эффекта ремень, он посадил меня на противоположный от себя конец дивана и принялся отчитывать. Но говорить долго ему в этот раз не пришлось. Батя почти сразу заметил, что я не оправдываюсь и вообще веду себя как-то странно. Пришлось соврать, что устал, что глаза болят после монтажа. Рассказывать про девушку на мосту совсем не хотелось.

Испугавшись, не рассказал я никому о нашей встрече и на следующее утро, когда встретил эту девушку вновь. Там же возле моста. Только она не стояла по ту сторону перил. Сломанной куклой незнакомка лежала на темном, припорошенном мокрым снегом льду. Возле головы было хорошо замет-

но большое алое пятно. Мост был оцеплен милицией.

* * *

Май, 2017 год

Самоубийство Яны Подорожной наделало много шума в городе. На историю о несчастной сироте, покончившей с собой, журналисты накинулись будто створа собак на сахарную кость. Ведь история Яны так удачно совмещала себе драму жизни и драму смерти. О происшествии сняли добрый десяток репортажей, которые потом часами крутили в новостях по местным каналам, написали все местные газеты. О нем говорили не только старушки у подъездов, но даже Колька – современный и крутой чувак – рассуждал на тему этого происшествия. Про то, что я был свидетелем случившегося, Колька не знал. Не то заставил бы меня давать показания в прямом эфире его интернет-канала.

Мне же совсем не хотелось «светиться». Ведь тогда бы и в милиции узнали о моем существовании. Допросы, показания... Нет, нет, нет! Промолчав в самый первый момент, я уже не мог переселить себя и рассказать, что знал. Я боялся признаться в собственной трусости и больше всего на свете хотел навсегда забыть о той ночи, мосту и девушке на нем. Хотелось забыть ее светлые волосы, развевающиеся от холодного ветра, ее глаза, полные слез.

Я надеялся, что с годами так и случится, что станет легче. Но ко всему прочему постепенно примешалось еще и чувство вины. Ведь в отличие от остальных, я понимал, что никакого самоубийства не было. Логика подсказывала, что самоубийца не придет той же ночью на то же место второй раз...

– Павел! – я вздрогнул, услышав мамин голос всего в паре шагов от себя. – Зову его, зову. А он уткнулся в свой телефон и ничего не замечает. Ох, Пашка, испортила тебя твоя Москва.

Улыбнулся, убирая смартфон в задний карман джинсов:

– Важное сообщение.

– У тебя все сообщения важные, – улыбнулась в ответ мама. Ласково погладила по плечу: – Обед на столе.

Пришлось сделать над собой усилие и перестать думать о Подорожной. Ни к чему было говорить о ней за семейным обедом. И так вырвался в родные края лишь на недельку: набраться сил перед защитой диплома. Слишком прилежно отучившись шесть лет по специальности «Журналистика», я, по словам моего руководителя, неприятно смахивал на ботана, а не на специалиста. Мне было необходимо переключиться, и лучшего места, чем родной город, я не мог для этого придумать.

Однако после обеда навязчивые мысли вновь взяли надо мной верх. Убедившись, что родители отдыхают, я достал со шкафа пыльную папку. Среди прочих газетных вырезок с

интересующими меня статьями хранились и те, что касались смерти Подорожной. Десятки интервью с ее старшей сестрой, друзьями семьи, соседями, экспертами, следователями, очевидцами. Одиннадцать лет назад я жадно вчитывался в каждое слово. Черт! Да я выучил эти заметки наизусть и до сих пор помнил их.

Яна Подорожная выросла в неполной семье. Девушку и ее сестру Дарью воспитывала мать. Отец погиб в одной из военных компаний девяностых годов. Все свидетели сходились во мнении, что это была скромная дружная семья. После смерти матери за пару лет до трагических событий опеку над сестрой взяла уже совершеннолетняя к тому времени Дарья Подорожная. В январе, то есть почти за месяц до самоубийства, Яна отметила свое совершеннолетие.

Стерев с папки пыль, я устроился в горизонтальном положении на диване.

Следствием было установлено, что причиной самоубийства стала неразделенная любовь. Яна несколько лет была влюблена в Дмитрия Рогова – сокурсника своей сестры. Они даже встречались некоторое время. Но потом Дмитрий внезапно сделал предложение Дарье. Молодые люди подали заявление в ЗАГС. Однако за неделю до свадьбы Дмитрий Рогов погиб в автомобильной аварии, случившейся во дворе дома невесты. Экспертиза подтвердила, что автомобиль занесло на скользком участке дороги, водитель не справился с управлением и врезался в фонарный столб. В смерти Рогова

Яна винила себя. Утверждала, что перед этим между ними состоялся неприятный разговор и за руль Дмитрий сел весьма возбужденным.

После смерти жениха и сестры, Дарья Подорожная прожила в городе недолго. Приняв предложение немецкого гражданина Генриха Баума, девушка после свадьбы покинула родину. Насколько знали местные сплетники, Дарья Баум через пару месяцев после свадьбы родила сына. Из этого следовал логичный вывод, что отцом ребенка был Дмитрий Рогов.

Через пару часов я проснулся на том же диване, в той же комнате, с той же папкой в обнимку. Однако мысли мои уже шли совсем в ином направлении. Ни к чему было мне прозябать целую неделю без дела, теща рассказами о столичной жизни родителей и всех их любознательных знакомых. Куда полезнее было заняться небольшим расследованием, чтобы раз и навсегда расставить для себя все точки над «i». К тому же мой скромный журналистский опыт подсказывал, что из этого обширного куска прошлого мог получиться неплохой трамплин для моей будущей карьеры.

* * *

Часов в десять на следующий день я стоял возле входа в полицейский архив, вооруженный хорошим настроением и коробкой конфет «Ассорти». Расследование надо было с чего-то начать. И я решил начать его с ознакомления с материалами дела о самоубийстве Яны Подорожной. Конечно,

без определенной кипы бумаг почитать документы мне никто не даст. Даже с учетом статуса «почти журналист». Но ведь можно и не идти официальным путем. Можно же просто забежать на чай к бывшей однокласснице Ленке Сибиряковой, с которой отсидели мы за одной партой последние два школьных года.

– Пашка? Вот так сюрприз! – круглолицая девчушка с конопушками на щеках и курносом носике заметила меня сразу, стоило только поднять руку и помахать коробкой конфет.

Ленка никогда не выглядела на свой возраст. Рыжеволосая, веселая, приятно пышная барышня, она, должно быть, договорилась со Временем о том, что навсегда останется в своих пятнадцати годах. Злые языки говорили, что после родов юность Сибиряковой точно пройдет. Но нет! Даже став матерью двоих непосед, Ленка ничуть не изменилась.

– Привет! А я вот тут к родителям приехал. Подумал, что и с друзьями встретиться надо.

Ленка кинулась меня обнимать. Потом выхватила коробку конфет и, конечно же, предложила зайти к ней на чай.

– У меня все равно никого сегодня. Светик заболела, а Валентина Григорьевна на совещание в Главк укатила.

– Ну, отлично! – отозвался я, думая, что мне, в самом деле, сказочно повезло.

Пока чай остывал, Ленка быстро пересказала последние новости из жизни наших одноклассников. Кто женился, кто из армии вернулся, кто детей родил, кто новый автомобиль

купил, а кто квартиру в ипотеку – в какой-то момент мне начало казаться, что кроме как в жизни моих бывших одноклассников, в городе событий не происходит! В именах я тоже очень скоро запутался, так что стал заметно скучать.

– Ой, ладно, – отмахнулась Ленка от собственных мыслей. – Что я время у тебя отнимаю? Давай, выкладывай, за чем пожаловал.

Чаем я, конечно, поперхнулся. Прокашлялся.

– Так заметно, что по делу? – спросил с надеждой на обратное.

– А то! – усмехнулась Ленка. – Я вашу журналистскую братию за пять лет хорошо изучить успела. Если с коробкой конфет или хотя бы шоколадкой – точно не по душам поболтать.

Пришлось наврать Ленке, что я стажером устроился в одну столичную газету. Что после диплома меня в штат обещали принять, если пару интересных статей принесу. Вот и решил я одну из статей самоубийству Яны Подорожной посветить.

– Неужели в столице такое может кого-нибудь заинтересовать? – удивилась Лена.

– Ну, это зависит от того, как подать материал. Мне кажется, что там не все так просто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.